

18+

ИДЕАЛЬНЫЙ ПОЧЕРК

Никита Петров

Идеальный почерк

«Автор»

2026

Петров Н. В.

Идеальный почерк / Н. В. Петров — «Автор», 2026

Он — бывший следователь, теперь частный детектив. Она — простая продавщица, случайная свидетельница. Город накрывает волна загадочных убийств, а на телах жертв остаются странные геометрические узоры. Вместе с тремя верными помощниками сыщик вступает в смертельную игру с серийным убийцей. Но чем ближе разгадка, тем опаснее становится охота. И тем сильнее его чувства к той, кого он поклялся защитить. 17 глав напряжения, лжи и любви.

© Петров Н. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Никита Петров

Идеальный почерк

Глава

ИДЕАЛЬНЫЙ ПОЧЕРК

Вступление (Пролог и Глава 1)

Пролог. Город серого камня

Город, в котором я живу, не любит света. Он вообще не любит ничего живого. Когда-то, лет двести назад, его строили из светлого известняка — хотели сделать южной жемчужиной, местом, куда съезжаются художники и поэты. Но климат оказался сильнее амбиций архитекторов. С севера на город давит холодное море, с юга — болотистые низины, которые круглый год дышат сыростью. В итоге известняк потемнел, покрылся зеленоватым мхом, а в некоторых местах и вовсе превратился в рыхлый, крошащийся камень, который пальцем можно продавить.

Теперь город напоминает мне старую, гнилую кость, которую обглодали до состояния трухи. И мы, живущие здесь, — всего лишь личинки, которые копошатся в этой трухе.

Я люблю этот город. Странно, правда? Ненавидеть и любить одновременно — это, наверное, и есть формула настоящей привязанности. Я знаю каждый его переулок, каждую трещину в асфальте, каждую ржавую водосточную трубу, которая плачет дождевой водой по ночам. Я знаю, в каких подворотнях пахнет мочой и кислым пивом, а в каких — жареными семечками и домашним борщом из открытых окон первых этажей. Я знаю, где в три часа ночи можно купить горячий кофе, который будет на восемьдесят процентов состоять из цикория, но согреет ладони. Я знаю, где собираются бродячие собаки, и где — бродячие философы, которые спорят о смысле бытия до тех пор, пока их не разгоняет полицейский патруль.

Этот город — моя рабочая площадка. Моя сцена. Моя лаборатория.

Меня зовут Алексей Ветров. Бывший следователь по особо важным делам при Управлении МВД, ныне частный детектив. Звучит пафосно, как в дешёвых американских фильмах, где герой обязательно пьёт виски из гранёного стакана и носит плащ с поднятым воротником. В реальности всё прозаичнее: я пью чёрный чай с бергамотом, потому что от виски у меня изжога, а плащ я снял три года назад, когда понял, что в нашем климате он бесполезен — вода просачивается сквозь ткань за десять минут. Сейчас я ношу обычную чёрную куртку из дешёвого кожзама, которая трещит на сгибах, и потёртые джинсы. Выгляжу как типичный мужик из очереди за хлебом, и это правильно. Лучший способ остаться незамеченным — быть скучным.

В полиции я проработал одиннадцать лет. Начинал участковым в районе, который местные называли «Бермудским треугольником» — оттуда не возвращались ни преступники, ни свидетели, ни, порой, сами оперативники. Потом были годы в уголовном розыске, потом — отдел по раскрытию серийных преступлений. Моя статистика была почти идеальной: из семи-десяти двух дел, которые прошли через мои руки, я закрыл шестьдесят девять. Три нераскрытых висят на мне грузом, который я таскаю каждую ночь.

Ушёл я не по своей воле, хотя многие думают иначе. Я сам написал рапорт. Причина была до смешного банальной — я перестал верить в систему. Я поймал человека, который убил четырнадцать женщин. У меня были неопровержимые доказательства: ДНК, отпечатки, показания двух свидетелей. Но этот человек оказался сыном местного депутата. Депутат был толстым, красномордым и говорил с таким пафосом, будто он не народный избранник, а римский император. Доказательства исчезли из кабинета следователя за одну ночь. Их не украли — их просто потеряли. Бумажки, знаете ли, такие скользкие. А дело переквалифицировали в «несчастный случай».

Я пришёл к начальнику, положил на стол свой жетон и сказал: «Или вы даёте мне ордер на арест этого ублюдка, или я ухожу». Начальник развёл руками. Он был хорошим мужиком, честным, но старым и уставшим. Он сказал: «Лёша, мы с тобой в дерьме по уши. Либо ты пачкаешься вместе с нами, либо ты чистый, но мёртвый. Они тебя закопают, если ты продолжишь копать». Я ушёл.

Прошло четыре года. За это время я открыл частную практику. Сначала было тошно: брал заказы на поиск пропавших кошек, слежку за неверными мужьями, мелкие долги. Но постепенно, через сарафанное радио и старые связи, ко мне начали приходить настоящие дела. Не те, за которые платят миллионы, а те, за которые платят совестью. И, что важно, — я перестал быть один.

У меня есть команда.

Не огромный штат, не отдел с бейджиками и казёнными столами. У меня есть три человека, которых я называю своими. Мы не партнёры в юридическом смысле, мы даже не оформлены как агентство. Мы — просто союз безумцев, которые почему-то решили, что могут делать то, что не может полиция. Быстрее. Точнее. Без дурацких бюрократических процедур.

Я скажу о них позже. Сначала — о конторе.

Наш офис расположен в подвале старого жилого дома на улице Тимирязева. В советские времена здесь был бомбоубежище, потом — склад стройматериалов, потом — долгие годы пустота и плесень. Я арендовал это помещение два года назад, когда понял, что работать из собственной кухни больше невозможно — клиенты приходили, видели немытую посуду в раковине и уходили, подозревая меня в алкоголизме. А вы же понимаете: частный детектив, который пьёт, — это не детектив, это просто жалкий персонаж из анекдота.

В подвал ведёт железная дверь, обитая дерматином. Когда-то дерматин был красным, но от сырости и времени он превратился в цвет запёкшейся крови. Ступеньки крутые, скользкие, без перил. Если идти быстро, обязательно поскользнёшься — я проверял, у меня на правом колене до сих пор шрам. Спускаешься вниз — и сразу бьёт в нос запах старой бумаги, машинного масла и кофе. Марина говорит, что это «запах нашей профессии». Костя говорит, что это «запах затхлости и дешёвого ремонта». Виталий просто молчит и заваривает очередную порцию чая.

Помещение состоит из двух комнат. Первая — общая, она же «мозговая». Здесь стоит длинный стол, который мы нашли на помойке и отреставрировали. На столе — три монитора, два старых системных блока, кипа бумаг, папок с делами, блокнотов и разбросанных карандашей. На стенах — карты города. Их много: обычные географические, спутниковые

снимки, схемы подземных коммуникаций, даже туристические карты для иностранцев, которые почему-то думают, что наш город — это «скрытая жемчужина Европы». Я иногда смотрю на эти карты и вижу не улицы — я вижу вены. Кровеносная система города. И по этим венам течёт не кровь, а страх.

Вторая комната — моя. Там стоит раскладушка, которую я купил в «Икее», старый платяной шкаф с оторванной ручкой и стул, на котором держится только одна ножка — остальные три подложены книгами. Я сплю здесь, когда дело доходит до стадии «невозможности уйти домой». Это случается часто. Катя (о ней позже) ругается, что я не берегу позвоночник, но я привык к дискомфорту. Знаете, есть такая теория: если тело чувствует дискомфорт, мозг остаётся в тонусе. Мне нельзя расслабляться. Если я расслаблюсь — я начну спать, а во сне мне снятся они. Все те, кого я не спас.

Над нашим офисом живёт старушка Зинаида Петровна. Она вышла на пенсию двадцать лет назад, а до этого сорок лет проработала учительницей математики. Мы с ней заключили негласный договор: она пускает нас пользоваться своим счётчиком электроэнергии (у нас проблемы с проводкой, и если включить все три монитора одновременно, пробки вышибает на весь подъезд), а мы раз в неделю приносим ей продукты и выносим мусор. Зинаида Петровна считает, что я занимаюсь «сыскным ремеслом, как в книгах Достоевского», и иногда приносит нам пирожки. Пирожки у неё всегда с капустой и всегда немного подгоревшие. Мы их едим, потому что это единственная горячая еда, которая появляется у нас за день.

Сегодня утро. За окнами — ноябрь. Дождь. Разумеется, дождь. В этом городе он идёт девять месяцев в году, ещё два месяца идёт снег, и лишь один месяц — сухая, выжигающая всё живое жара, от которой плавится асфальт и сходят с ума дворники, которые поливают газоны водой из бочек. Я стою у входа в подвал, держу в руках бумажный стаканчик с кофе, который купил у киоска на углу, и смотрю на то, как капли разбиваются о лужи. Лужи здесь особенные — они никогда не высыхают, они просто меняют цвет: утром они свинцовые, днём — грязно-жёлтые, вечером — чёрные, как дёготь.

Я поднимаю воротник куртки, хотя это бессмысленно — вода всё равно затекает за шиворот. Опускаю взгляд на тротуар, где кто-то нарисовал мелом стрелку. Скорее всего, дети играли в пиратов или искали клад. Дети здесь играют редко. В этом районе вообще редко бывает слышно детский смех. Только звуки машин, далёкий грохот трамвая и постоянное, монотонное шипение дождя.

Я делаю глоток. Кофе горчит. Вкус металла и бумаги.

Пора начинать рабочий день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.